

Ирина Аpekсимова

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

Актриса Ирина АПЕКСИМОВА: «Я не фаталистка, но верю в судьбу»

Окончание. Начало на стр. 1

— У Сэлинджера есть чудесные строчки: «...она была так собрана, будто боялась задремать и проболтаться во сне». По устоявшемуся мнению и публики, и прессы, вы — собранный и закрытый человек. Что вас так «закрыло»?

— Когда выходишь на сцену (я все время говорю о сцене, потому что это вся моя жизнь), вне зависимости от опыта и возраста безумно волнуешься. У всех это по-разному выражается. Оказывается, я, как мне окружающие рассказывают, становлюсь безумно холодной, наглой и невозмутимой, тогда как внутри все кипит или цветет. Но я все же не стремлюсь развеивать этот миф. С моими близкими я нормальный, белый и пушистый человек, не из дерева или железа. Просто во всех интервью не хочу и не считаю нужным отвечать на вопросы, связанные с моей личной жизнью. Уверена, что публичность профессии никоим образом не связана с публичностью личной жизни. После того, как я прочла несколько безумно забавных статей, я перестала следить за мнениями и публикациями. Представляете, в одной газетке написали, что я очень люблю вышивать бисером подушечки и делаю это каждый день... Бывали случаи обидные, больно бывало. Но ночами не плачу. Так люблю спать и так устаю, что ночами сплю. Никогда никому ничего не стараюсь доказать. Когда случаются какие-то неприятные ситуации, сама себе говорю: «Ирочка, ты одна такая у себя, любимая, тебя родители воспитывали, холили и лелеяли не для того, чтобы какая-то гадина могла тебя добить».

«Когда я первый раз приехала в столицу в начале 80-х, была в шоке от того, что продаются апельсины, пепси-кола и колбаса»

— Знаю, что вы не очень жалуете и образ бизнесумена, который вам старательно навязывает общество. Отчего?

— Абсолютно неверно идентифицировать персонажи, которых я играю, с моей личностью. Образ этот сложился по сыгранным ролям, по сериалам, где я когда-то давным-давно впервые появилась в образе бизнес-леди. К этому все привыкли и никто не хочет менять своих впечатлений. Более того, мое амплу не зависит от меня. Оно зависит от тех, кто делает кино. За всю мою творческую жизнь в хорошее кино — просто для того, чтобы Ирина Аpekсимова сыграла роль, потому что она вроде бы неплохая актриса, — меня почти не звали. Эти случаи мне бесконечно дороги и их можно перечислить по пальцам. Все остальное — просто моя профессия. Нужно же на жизнь зарабатывать. И сниматься в кино я тоже должна. Должна сохранять свою

СПРАВКА
Ирина АПЕКСИМОВА родилась 13 января 1966 года в Волгограде в семье музыкантов. В 13 лет переехала в Одессу, где и окончила школу. Сразу после школы год отработала в Одесском театре оперетты, затем — год в таком же театре в Волгограде. В 1990 году окончила Школу-студию МХАТ (мастерская Олега Табакова). С 1990 по 2000 год работала во МХАТе имени Чехова. В кино дебютировала в 1987 году в фильме «Башня». На ее счету около 30 фильмов, среди которых — «Лимита», «Бездна. Круг седьмой», «Ширли-мырли», «Мужские откровения», «Дзенбоксинг», «Бульварный переплет». В 1994 году на театральном фестивале в Париже была удостоена приза за лучшую женскую роль. В 2000 году создала театральное агентство, которое занимается продюсированием антреприз.

популярность или, как теперь говорят, медийность, чтобы зрители меня не забыли.

— Для того чтобы заниматься бизнесом и творчеством, необходимы диаметрально противоположные качества. Вы их удачно сочетаете. Как это получается?

— Мое творчество трудно назвать бизнесом. Если бы я делала из него бизнес, занялась бы малобюджетными спектаклями. Там было бы задействовано немного народа и недорогая декорация, помещающаяся в два купе, чтобы ездить по городам и весям. Так же, как на телевидении проще снять сериал, который и стоит дешевле и его, увы, с гарантией будут смотреть, нежели качественное дорогущее полнометражное кино. У меня один только спектакль «Веселые ребята» стоит нескольких сериалов. Имеются в виду не деньги, а душевные силы и энергозатраты, вложенные в проект.

— По сути, все ваши проекты — антрепризные. Но сцену сейчас наводнили некачественные антрепризы. Зритель к ним относится довольно скептически. Вы это ощутили на себе?

— Это очень неприятное явление. Ощущаю его не стоя на сцене, а сидя в зрительном зале. С ужасом понимаю, что такое антреприза и почему редкие и драгоценные люди ее не любят. Их действительно мало. Специально или случайно попадаю на антрепризные спектакли — ужасные, пошлейшие, за гранью добра и зла, и вижу зрительный зал, который сидит и хохочет над скабресным текстом, над плохой игрой. Обидно и больно за профессию.

— Говорят, «театр — клубок единомышленников». В вашей жизни были такие ситуации, когда, жертвуя театром, расставаясь с ним, вы, скажем пафосно, спасали свою душу и человеческое достоинство?

— Может быть, когда-нибудь я буду сидеть у камина, в роскошном каменном доме на берегу моря, переосмысливая свою жизнь, мемуары писать... Тогда какую-то историю и выгребу из памяти. Если честно, такого, чтобы пришлось театром жертвовать — не было. В абсолютно любом коллективе, чем бы он ни занимался, существует «клубок единомышленников». Просто надо уметь себя сохранить. Не попадать в не-

хорошие ситуации, держаться. Ненавижу эти слова, но позиционировать себя, если хотите. Наверное, это зависит от воспитания и от силы духа.

— Создается ощущение, что вы не ждете подарков судьбы, не терпите ее испытаний. Если чего-то хотите, просто берете это сами. Наверное, тяжело дается?

— «Берете» — это слишком уж легко сказано. Конечно, я не фаталистка. При этом так или иначе верю в судьбу. Как в старом еврейском анекдоте: «Для того, чтобы Бог тебя спас, надо что-нибудь для этого сделать. Хотя бы купить лотерейный билет». Мне все дается очень непросто. Кровью, потом, болью... Может быть, я такая «везучая», потому что мне за все приходится очень много отработывать, за каждую мелочь очень много бороться, добиваться и расплачиваться.

— Вы на этот нервный и тернистый актерский путь осознанно встали?

— Наверное, я ничего кроме этого делать не умела. Ничего не оставалось девочке, как идти в артистки.

— Оговоримся: многие девочки об этом мечтают, но не у всех получается.

— Просто я росла в театре. У меня мама там была главным хормейстером. Меня никогда даже не посещали какие-то другие мысли, чтобы заниматься чем-то кроме театра. Это было само собой разумеющимся.

— Как вы относитесь к теории Вайля о том, что место способно влиять на человека, на его трудоспособность и талант? В каком уголке планеты вам комфортнее?

— У меня есть несколько любимых мест на земном шаре. Это город-герой Лондон. Италия и, в частности, Венеция и Рим. Москва. Не потому, что мы с вами сейчас говорим в Москве. Я действительно бесконечно люблю этот город. Куда бы ни ездил, где бы ни была, всегда с удовольствием возвращаюсь домой. Испытываю даже какую-то гордость за то, что могу ехать по Москве и говорить: «Это — мой город!».

— Несколько лет назад вы обзавелись квартирой на Маросейке...

— Действительно, я получила от правительства Москвы квартиру в центре этого славного города. До того жила в замечательном месте, которое называется «Автозаводская». Когда узнала, что переезжаю, вдруг осознала: наконец-то это моя квартира, и в ней будет так, как я хочу! А хотелось, чтобы было много чистого пустого пространства без мебели. Чтобы было много свежего воздуха. Чтобы было в этой квартире спокойно и прекрасно. Кстати, совсем рядом с домом церковь. Даже несколько церквей. И мне кажется, это не случайно. Так приятно просыпаться под колокольный звон — просто потрясающе.

«Можно приехать на гастроли, показать чудный спектакль и больше никогда в этот город не приехать, боясь, что побьют»

В Москве в принципе находиться хорошо, но центр — совсем иное ощущение. Это другой город, который по-своему дышит и живет. Я приехала из Одессы, где когда-то жила в центре города. До этого и в Волгограде жила в центре. Просто привыкла жить в центре, где бы я ни жила. Моя мама когда-то очень хотела здесь поселиться, и у нее просто не получилось. А я это стремление, видимо, впитала с детства и пыталась реализовать. Ведь в те далекие советские времена это был единственный город, где все бурлило и все кипело. Об этом можно было только мечтать. Когда я первый раз приехала в столицу в начале 80-х годов, была в шоке от того, что продаются импортные Marlboro, апельсины, пепси-кола и колбаса. Главное, что все это есть в свободной продаже. И — фантастика — есть магазины, в которых можно купить сапоги на каблучках.

— Если говорить о городе как о человеке, с которым вам приходится жить бок о бок, просыпаться и засыпать рядом, что вас раздражает и не устраивает?

— Меня раздражает божжи. Особенно их очень много в центре, рядом с церквями.

«Поиском спонсоров занималась я лично. Позор и ужас. Очень неприятное занятие»

Мне ужасно это не нравится. Боюсь быть не правильно понятой... Не хочу обидеть, Боже упаси! Меня просто раздражает, что так складывается ситуация, что нормальные люди становятся нищими и бездомными. И никому до этого нет дела. Страшно.

— А вы сами чего боитесь в этой жизни больше всего?

— Знаете, совсем недавно посмотрела по ТВ передачу о старых актерах, наших замечательных, заслуженных, всеми когда-то обожаемых. Потрясающие, талантливейшие люди. Сейчас они далеко не молоды и забыты всеми. Сидят у себя дома совершенно заброшенные, выживают на какие-то крохи. Мне стало безумно страшно. Страшно, что такое может произойти и со мной. Сразу же приходит на ум обидное сравнение, что если бы эти люди сыграли такие же по величине роли где-то на Западе, наверное, им бы хватило денег на безбедную старость. Ведь у нас существует Союз кинематографистов, Гильдия киноактеров. Вот этими проблемами и нужно заниматься в первую очередь, а не фестивалями и презентациями.

— Раневская, одна из великих актрис, доживавшая в забвении и нищете, никогда не принимала сомнительные предложения и говорила: «Деньги прожрешь, а стыд останется». За что вам бывает стыдно, до чего вы никогда не опускаетесь?

— До халтуры. Объясню: недавно вела одну из церемоний награждения. С одной стороны, это халтура, когда просто выходят артисты, а ты перечисляешь кто, что и за что получил. С другой стороны, я так волновалась и старалась выложиться, чтобы это было красиво и здорово, что в конце вечера, думала, с ума сойду. Когда участвуешь в чем-то подобном, испытываешь ужасное чувство. Когда-то мне довелось поработать в антрепризах. Как только возникло ощущение халтуры, а потом и позора — я уходила. Потому что это непродуктивное расходование творческих ресурсов.

— Как вы решились в нашей загадочной стране, полной непредсказуемостей, затеять свой бизнес?

— Когда ты не очень понимаешь, как это вообще начинать, к кому бежать за советом — очень сложно. Проводников по этому «минному полю» у меня не было. На все грабли я наступила сама. Очень много глупостей делала по незнанию. Каких-то серьезных проблем не случилось, но было несколько неприятных историй, связанных с авторским правом. Потому что в нашей стране это очень непонятная вещь. Кто на него имеет право, а кто нет — совершенно непостижимо. Что-бы спектакль появлялся и на них шел зритель, у любого творческого коллектива должен быть спонсор, который хотя бы минимально поддержит. Тот, кто поверит в положительный исход дела, человек со вкусом и щедрый. Был же когда-то Савва Морозов, значит, и сейчас такие люди есть. Найти их — конечно, целое искусство. Поиском спонсоров занималась я лично. Позор и ужас. Очень неприятное занятие. Но я же прошу не на себя. Не «дайте мне денег», а «примите участие в создании чего-то нового и интересного», что немножко поддержит людей, оторвет их от той поганой антрепризы, которой запружена сейчас Москва.

— Есть у вашего бизнеса критерии конкурентоспособности?

— Безусловно! Это количество зрителей, пришедших посмотреть на тебя (вплоть до математических подсчетов) и качество спектаклей. Знаете, можно приехать куда-то на гастроли, показать чудный спектакль один раз и больше никогда в этот город не приехать, боясь, что побьют. Когда привозишь спектакль по несколько раз, видимо, он конкурентоспособен. Видимо, на него приятно смотреть, и я зрителя не обманываю.

— Когда вы поняли, что задуманное все-таки получилось?

— Даже сейчас еще не понимаю. Когда пойму, что все получилось, больше нечего будет делать. Потому что, когда человек доволен собой и понимает, что у него все получилось, на этом заканчивается человек.